

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Зазубрина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624105

Аннотация

«...Круглое окно моей камеры выходило на тюремный двор. Оно было очень высоко от пола, но, приставив к стене стол и взлезая на него, я мог видеть всё, что делалось на дворе. Над окном, под навесом крыши, голуби устроили себе гнездо, и, когда я, бывало, смотрел из окна вниз на двор, они ворковали над моей головой.

У меня было достаточно времени для того, чтобы ознакомиться с населением тюрьмы, и я знал, что самый весёлый человек среди её угрюмого населения назывался – Зазубрина».

Максим Горький

Зазубрина

...Круглое окно моей камеры выходило на тюремный двор. Оно было очень высоко от пола, но, приставив к стене стол и взлезая на него, я мог видеть всё, что делалось на дворе. Над окном, под навесом крыши, голуби устроили себе гнездо, и, когда я, бывало, смотрел из окна вниз на двор, они ворковали над моей головой.

У меня было достаточно времени для того, чтобы ознакомиться с населением тюрьмы, и я знал, что самый весёлый человек среди её угрюмого населения назывался – Зазубрина.

Это коренастый и толстый малый, с красным лицом и высоким лбом, из-под которого всегда оживлённо сверкали большие светлые глаза.

Шапку свою он носил на затылке, уши торчали на его бритой голове как-то смешно; тесёмки ворота рубахи он никогда не завязывал, куртку не застёгивал, и каждое движение его мышц давало понять в нём душу, не способную к унынию и озлоблению.

Всегда хохотавший, подвижной и шумный, он был кумиром тюрьмы; его постоянно окружала толпа серых товарищей, он смешил и развлекал её разными курьёзными выходками, скрашивая своим искренним весельем тусклую, скуч-

ную жизнь тюрьмы.

Однажды он явился из камеры на прогулку с тремя крысами, хитро запряжёнными в бечёвки. Зазубрина бегал за ними по двору, крича, что он едет на тройке; крысы, обезумев от его криков, метались во все стороны, а арестанты-зрители хохотали, как дети, глядя на толстого человека и его тройку.

Он, очевидно, считал себя существующим исключительно для увеселения людей и, чтоб достичь этого, не брезговал ничем. Иногда его изобретательность принимала жестокие формы; так, например, однажды он приклеил чем-то к стене волосы мальчика-арестанта, дремавшего, сидя на земле у этой стены, и потом, когда волосы присохли, внезапно разбудил его. Мальчик быстро вскочил на ноги и, схватившись тонкими и худыми руками за голову, с плачем упал на землю. Арестанты хохотали, Зазубрина был доволен. После, – я видел это из окна, – он приласкал мальчика, оставившего на стене порядочный клочок своих волос...

Кроме Зазубрины, в тюрьме был ещё один фаворит – рыжий и толстый котёнок, маленькое, избалованное всеми, игривое животное. Выходя на прогулку, арестанты каждый раз отыскивали его где-то и подолгу возились с ним, передавая его с рук на руки, бегая по двору за ним и позволяя ему царапать их руки и рожи, оживлённые этой игрой с баловнем.

Когда на сцену являлся котёнок, он отвлекал внимание от Зазубрины, последний не мог быть доволен этим предпочтением. Зазубрина был в душе артист и, как артист, непомерно

таланту самолюбив. Когда его публика увлекалась котёнком, он оставался один, садился на дворе где-нибудь в уголке и оттуда следил за товарищами, забывавшими его в эти минуты. А я из своего окна следил за ним и чувствовал всё то, чем полна была душа его в эти моменты.

Мне казалось неизбежным, что Зазубрина убьёт котёнка при первом же удобном случае, и мне было жалко весёлого арестанта. Стремление человека быть центром общего внимания людей – пагубно для него, ибо ничто не умерщвляет душу так быстро, как жажда нравиться людям.

Когда сидишь в тюрьме – даже жизнь грибков плесени на её стенах кажется интересной; понятно поэтому то внимание, с которым я следил из окна за маленькой драмой внизу, за ревностью человека к котёнку, и понятно то нетерпение, с каким я ждал развязки. Она наступила.

Однажды в яркий солнечный день, когда арестанты высыпали из камер во двор, Зазубрина увидел в углу двора ведро зелёной краски, оставленное малярами, красившими крышу тюрьмы. Он подошёл к нему, подумал и, окунув палец в краску, выкрасил себе усы в зелёный цвет. Эти зелёные усы на его красной роже возбудили общий хохот. Какой-то подросток захотел воспользоваться идеей Зазубрины и тоже стал было раскрашивать себе верхнюю губу, но Зазубрина, обмакнув руку в ведро, ловко смазал ему всю физиономию. Подросток фыркал и мотал головой, Зазубрина приплясывал вокруг него, а публика хохотала, поощряя своего забавника

одобрительными возгласами.

Именно в этот момент на дворе явился рыжий котёнок. Он шёл по двору, не торопясь, грациозно поднимая лапки, поводил поднятым кверху хвостом и нимало, очевидно, не боялся попасть под ноги толпы, бесновавшейся вокруг Зазубрины и окрашенного им подростка, усиленно растиравшего по лицу ладонями липкую смесь масла и медянки.

– Братцы! – воскликнул кто-то. – Мишка пришёл!

– А! плутишка-Мишка!

– Рыжий! Кисонька!

Котёнка схватили, и он переходил с рук на руки, всеми ласкаемый.

– Ишь, наелся! Брюхо-то какое толстое!

– Ведь как он растёт быстро!

– Царапается, чертёнок!

– Пусти его! Пущай сам прыгает...

– Ну, я подставлю спину... Прыгай, Мишка!

Около Зазубрины было пусто. Он стоял один, стирая пальцами краску с усов, и поглядывал на котёнка, прыгавшего по плечам и спинам арестантов. Это всех очень забавляло, смех звучал непрерывно.

– Братцы! давайте выкрасим кота! – раздался голос Зазубрины. Он так звучал, точно Зазубрина, предлагая эту забаву, вместе с тем и просил согласиться на неё.

Толпа арестантов зашумела.

– Д'ять, он с того подохнет! – заявил кто-то.

– С краски-то? Ска-азал!

– Валяй, Зазубрина! Крась живо!

Широкоплечий малый, с огненно-рыжей бородой, воскликнул одушевлённо:

– И придумал же, сатана, этакую штуку!

Зазубрина уже держал котёнка в руках и шёл с ним к ведру с краской.

По-осмотрите, братцы, во-от...

– пел Зазубрина:

Красится рыжий кот

В зелёную краску:

Д'воспляшемте пляску!

Грянул взрыв хохота, и, поджимая бока, арестанты раздались, – мне видно было, как Зазубрина, держа котёнка за хвост, окунул его в ведро и, приплясывая, пел:

Постой, не мяучь,

Отца крёстного не мучь!

Хохот разгорался. Кто-то тонким голосом визжал:

– О-ой-й! Ой, Июда косопузая!

– А, ба-атюшки! – стонал другой.

Захлёбывались смехом, задыхались от него; он кривил те-

ла этих людей, сгибал их, сотрясал и грохотал в воздухе – могучий, беззаботный, всё возрастая и доходя почти до истерики. Из окон женского корпуса смотрели на двор улыбающиеся лица в белых платочках.

Надзиратель, прижавшись спиной к стене, выпятил свой толстый живот и, поддерживая его руками, пускал из себя залпами густой, басовитый, душивший его хохот.

Смех разбросал людей во все стороны около ведра. Выкидывая ногами удивительные штуки, ходил вприсядку Зазубрина, подпевая себе:

Ай жись-то весела!
Д'кошка серая жила,
А сын её, рыжий кот,
Нынче зелено живёт!

– Бу-удит, чёрт те подери! – стоная, воскликнул огненно-рыжий бородач.

Но Зазубрина был в ударе. Вокруг него гремел безумный смех серых людей, и Зазубрина знал, что это он именно заставляет всех так смеяться. В каждом его жесте, в каждой гримасе его подвижного шутовского лица ясно проглядывало это сознание, и всё его тело подёргивалось от наслаждения торжеством. Он держал котёнка за голову и, смахивая с его шерсти избыток краски, в экстазе артиста, сознающего свою победу над толпой, не уставая, танцевал, припевая:

Родненькие братцы,
Поглядите в святцы;
Коту имя надо дать,
Д'уж и как нам его звать?

Всё смеялось вокруг обуянной безумным весельем толпы арестантов, – смеялось солнце на стёклах окон с железными решётками, улыбалось синее небо над двором тюрьмы, и даже её старые, грязные стены как будто улыбались улыбкой существ, которые должны подавлять в себе веселье, как бы оно ни бушевало в них. Всё вокруг переродилось, сбросило с себя скучный серый тон, наводивший уныние, ожило, пропитанное этим очищающим смехом, который, как солнце, даже и грязь заставляет быть более приличной.

Положив зелёного котёнка на траву, островки которой, пробиваясь между камнями, пестрили тюремный двор, Зазубрина, возбуждённый, задышавшийся и потный, всё исполнил свой танец.

Но смех уже гас. Его было чрезмерно много, и он утомил людей. Кое-кто ещё истерически взвизгивал, некоторые продолжали хохотать, но уже с паузами... Наконец явились моменты, когда все молчали, кроме напевавшего плясовую Зазубрины и котёнка, который тихо и жалобно мяукал, ползая по траве. Он почти не отличался от неё цветом и, – должно быть, краска ослепила его, связала его движения, – большеголовый, склизкий, он бессмысленно ползал на дрожащих лапках, останавливался, точно приклеиваясь к траве, и всё

мяукал...

Погляди, народ крещёный!
Ищет места кот зелёный,
Бывший рыжий Мишка-кот,
Себе места не найдёт!

– комментировал Зазубрина движения котёнка.

– Ишь ты, собака, ловко как! – сказал рыжий детина. Публика смотрела на своего артиста пресыщенными глазами.

– Мяукаить! – заявил подросток-арестант, кивая головой на котёнка, и посмотрел на товарищей. Они, наблюдая за котёнком, молчали.

– Что же, он на всю жизнь зелёным останется? – спросил подросток.

– А сколько ему жизни? – заговорил седой и высокий арестант, садясь на корточки около Мишки. – Вот он подсохнет на солнце, шерсть-то склеится у него, он и сдохнет...

А котёнок раздрающе мяукал, вызывая реакцию в настроении арестантов.

– Сдохнет? – спросил подросток. – А ежели бы вымыть его?

Никто не отвечал ему. Маленький зелёный комочек возился у ног этих грубых людей и был жалок в своей беспомощности.

– Ф-фу! упарился я! – воскликнул Зазубрина, бросаясь на землю. На него не обратили внимания.

Подросток подвинулся к котёнку и взял его в руки, но тотчас же положил на траву, заявив:

– Горячий весь...

Потом он осмотрел товарищей и жалобно проговорил:

– Вот те и Мишка! И не будет у нас Мишки-то! Пошто убили животную? Тоже...

– Ну, чай, поправится, – сказал рыжий.

Зелёное безобразное существо всё ползало по траве, двадцать пар глаз следили за ним, и уже ни на одном лице не было и тени улыбки. Все были угрюмы, молчали, и все стали так же жалки, как этот котёнок, точно он сообщил им своё страдание и они почувствовали его боль.

– Оправится! – усмехнулся подросток, возвышая голос. – Тоже... Был Мишка... любили его все... За што мучаете? Убить бы, что ли...

– А кто всё? – злобно крикнул рыжий арестант. – Вон он, дьявол, затейник!

– Ну, – сказал Зазубрина примиряюще, – чай, все вместе решились!

И он съёжился, точно от холода.

– Все вместе! – передразнил его подросток. – Тоже! Ты один виноват... да!

– А ты, телёнок, не мычи, – миролюбиво посоветовал Зазубрина.

Седой старик взял котёнка на руки и, тщательно осмотрев его, посоветовал:

– Ежели его в керосине испкупать, смоеся краска!

– А по-моему, взять его за хвост и через стенку кинуть, – сказал Зазубрина и, усмехаясь, добавил: – Самое простое дело!

– Что-о? – взревел рыжий. – А ежели я тебя самого этак-то? Хочешь?

– Дьявол! – вскричал подросток и, выхватив котёнка из рук старика, бросился куда-то.

Старик и ещё несколько человек пошли за ним.

Тогда Зазубрина остался один в кругу людей, смотревших на него злыми и угрюмыми глазами. Они как бы ждали от него чего-то.

– Ведь я же не один, братцы! – жалобно сказал Зазубрина.

– Молчи! – крикнул рыжий, оглядывая двор. – Не один!

А кто ещё?

– Да ведь все! – звонко вырвалось у потешника.

– У, собака!

Рыжий ткнул его кулаком в зубы. Артист отшатнулся назад, но там его встретил подзатыльник.

– Братцы!.. – взмолился он тоскливо.

Но его братцы видели, что двое надзирателей далеко от них, и, обступив своего фаворита тесной толпой, несколькими ударами сбили его с ног. Издали их тесную группу можно было принять за компанию, которая оживлённо беседовала. Окружённый и скрытый ими, Зазубрина лежал у их ног. Раздавались изредка глухие звуки: били ногами по рёбрам За-

зубрины, били не торопясь, без озлобления, выжидая, когда, извиваясь ужом, человек откроет удару ноги какое-нибудь особенно удобное место.

Минуты три продолжалось это. Вдруг раздался голос надзирателя:

– Эй, вы, черти! Знай край, да не падай!

Арестанты прекратили истязание не вдруг. Один по одному расходились они от Зазубрины, и каждый, уходя, прощался с ним пинком ноги.

Когда же они разошлись, он остался лежать на земле. Лежал он грудью вниз, плечи у него дрожали – должно быть, плакал – он всё кашлял и отхаркивался. Потом он осторожно, точно боясь рассыпаться, начал подниматься с земли, упёрся левой рукой в неё, потом подогнул одну ногу и, завыв, как больная собака, сел на земле.

– Притворяйся! – крикнул грозно рыжий. Зазубрина метнулся на земле и быстро встал на ноги.

Потом, шатаясь, он направился к одной из стен тюрьмы. Одна рука у него была прижата к груди, другую он простирал вперёд. Вот он упёрся ею в стену и, став, наклонил свою голову к земле. Он кашлял...

Я видел, как на землю падали тёмные капли; отлично видно было, как они мелькали на сером фоне тюремной стены.

И, чтобы не запачкать своей кровью казённого здания, Зазубрина всячески старался лить её на землю так, чтоб ни одна капля её не попала на стену.

Над ним смеялись...

Котёнок исчез с той поры. И Зазубрина уже ни с кем не делил внимания обитателей тюрьмы.